

30 Апрель.

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

«Американскій Православный Вѣстникъ» издается на двухъ языкахъ: Русскомъ и Англійскомъ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го ст. с.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И:

На годъ	3 дол. [6 рублей]
На полъ года	1 дол. 50 цент. [3 рубля]
На 4 мѣсяца	1 дол. [2 р.]
Отдѣльные номера	по 15 центовъ.

The „MESSENGER” will be bi-lingual — Russian and English. — It will be issued on the 13-th and 27-th of each month.

TERMS OF SUBSCRIPTION:

One year	\$3.00
Six months	\$1.50
Four months	\$1.00
Single numbers	15¢

Entered at the Post Office in New York as Second Class Mail Matter.

ГОДЪ III. — N 7 -й. — NEW YORK, 323 SECOND AVENUE — 13 Апрель 1899

Недѣля Ваій.

Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра, и вси вземше крестъ Твой глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ.

Слава Тебѣ Христе, въ вышнихъ сѣдящему на престолѣ, и нынѣ чаемому съ честнымъ Твоимъ крестомъ. Тѣмже веселится дщи Сионова, радуются языцы земни, вѣтви держать дѣти, ризы же ученицы, и вся вселенная научися вопити Тебѣ: благословенъ еси Спасе, помилуй насъ.

Восхвалите согласно людие и языцы: Царь бо ангельскій взыде нынѣ на жребя, и грядеть хотяи на крестѣ поразити враги яко снлень. Сего ради и дѣти съ ваемъ взываютъ пѣснь: слава Тебѣ пришедшему Побѣдителю: слава Тебѣ Спасу Христу: слава Тебѣ благословенному, одному Богу нашему!

Изъ бесѣды въ недѣлю Православія

Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Тихона, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго,
сказанной въ кафедральномъ Соборѣ въ Санъ Франциско.

FROM THE HOMILIES OF THE RIGHT REV. TIKHON, BISHOP OF ALASKA AND THE ALEUTIAN ISLANDS.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВІЯ.

Первое воскресенье Великаго Поста называется недѣлею Православія; называется оно такъ потому, что это—день „торжества Православія”,—въ этотъ день совершается въ кафедральныхъ храмахъ „чинъ православія”. Чинъ этотъ установленъ въ половинѣ девятаго вѣка въ память побѣды Православной Церкви надъ ересями и особенно надъ ересью иконоборчества, которое въ то время обуревало многихъ въ Церкви Божіей.

Но, братіе, Православная Церковь имѣетъ основаніе не только вспоминать нѣкогда бывшее торжество Православія, но и теперь переживаютъ побѣду Православія и торжествовать ее.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не должны радоваться и благодарить Господа за то, что Онъ, Милосердый, призираетъ на Свою Церковь и сохраняетъ ее невредиму и непребориму отъ враговъ даже и до дняшняго дне? Вѣдь не въ первые только вѣка Церковь Христова терпѣла разныя бѣды и подвергалась гоненіямъ, и не во времена только вселенскихъ соборовъ дѣлали на нее нападенія лжеучителя, свой разумъ взимающіе на разумъ Божій! Нѣтъ. Съ первыхъ дней и до скончанія вѣка Церковь была и есть на землѣ воинствующая. До скончанія вѣка она будетъ уподобляться кораблю съ пловцами, плавающему среди разъяреннаго бушующаго моря, ежеминутно готоваго низвергнуть пловцовъ съ корабля и потопить въ волнахъ и самый корабль. И кажется, чѣмъ дальше плыветъ этотъ корабль, тѣмъ силь-

THE TRIUMPH OF ORTHODOXY.

The first Sunday in Lent is called „the Sunday of Orthodoxy,” because on this day “the Triumph of Orthodoxy” is celebrated by a special rite in all the Cathedral churches. This rite was instituted in the middle of the ninth century, in memory of the victories of the Orthodox Church over heresies, especially that of the Iconoclasts, which at that time was causing great perturbation in the Church.

But, brethren, the Orthodox Church has reason not only to commemorate Orthodoxy’s former triumphs, but also to celebrate triumphs which is obtaining now, at the present day:

And in truth, should we not rejoice and render thanks unto the Lord, that He mercifully takes care of His Church, and keeps it from harm, and to this day unvanquished by foes? For it was not only in the first ages of her existence that the Church of Christ had to suffer distress of many kinds and persecutions; nor was it only at the time of the Œcumenical Councils that she was assailed by various false teachers, who would have placed their own reason before that of God. No indeed! From her first days and unto the end of time, the Church has been and remains militant; unto the end of time she will be likened to a vessel steered by her mariners on a stormy sea, which threatens every moment to wash the sailors from the decks to and swallow up the vessel. And it would seem as though, the farther the ship sails, the more furiously the waves assail her. In the first

нѣе хлещуть по нему волны, тѣмъ яростнѣе нападаютъ онѣ на него! Сначала, въ первые вѣка, были гоненія на христіанъ внѣшнія, со стороны язычниковъ. А когда Церковь восторжествовала надъ ними, является опасность еще болѣе грозная, но уже съ другой стороны: оканчиваются бѣды отъ языкъ, но за то начинаются бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратій, возникаютъ нападенія внутреннія: въ нѣдрахъ самого христіанства появляются одна за другою ереси, секты и расколы. Конечно, истина Божія восторжествовала надъ ложью человѣческою; но членамъ Церкви не приходится складывать своего побѣднаго оружія. Имъ предстоитъ вести борьбу уже не съ древними еретиками, а съ новыми врагами: съ невѣрующими, съ разными отрицателями и мнимыми представителями могучей науки. И нельзя сказать, чтобы съ теченіемъ времени борьба эта утихала: лишь Церковь усмѣетъ одержать побѣду надъ однимъ врагомъ, какъ появляется новый противникъ. Зло—какъ будто какая то гидра, у которой на мѣсто отрубленной головы вырастаетъ новая. Въ послѣднія же времена зло напряжетъ всѣ свои силы и въ лицѣ антихриста вступитъ въ ожесточенную борьбу съ Церковію Божіею, и для Церкви въ тѣ дни будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра (Матт. 24, 31): и въ прошлыя времена пыны цвѣтуція и нѣкогда славныя помѣстныя церкви бѣднѣли и пустѣли, а подъ конецъ будетъ еще больше отпаденій. Но не было, и мы вѣримъ по слову Христа, и не будетъ времени, когда бы вся вселенская Церковь Христова исчезла съ лица земли. Нѣтъ: твердо стоитъ основаніе Божіе (II Тим. 2, 19); на недвижимомъ камнѣ создана Церковь Христова и врата адава не одолѣютъ ея (Матт. 16, 18). Чѣмъ яростнѣе бьютъ волны объ эту скалу не-

ages there were the persecutions from the outside by the heathens. And scarcely has the Church triumphed over those, when a greater danger arises from another side: disaster no longer comes from strangers, but from her own people—from false brethren, who endanger her from within. From the very midst of Christianity heresies are born one after another, sects and schisms. Of course, divine truth triumphed in the end over human error and iniquity; but the members of the Church should not, even yet, lay down their victorious arms. They must be prepared in the future, to combat, no longer the ancient heretics, but new foes: infidels, half-hearted believers, various forms of negation, and so-called representatives of mighty science. And this struggle cannot be said to be growing less embittered as time goes: hardly has the Church overcome one enemy, when another starts up to oppose her. The evil is a veritable Hydra, which, for each head that is cut off, grows a new one. When the last days come, it will put forth all its strength and will in the person of Antichrist, do desperate battle against the Church of Christ, and there will be great mourning in those days, such as had not been from the beginning of the world (Matth. 24, 31). There have been times before, when flourishing and once glorious individual churches have been impoverished and deserted, but in those latter days there will be even more fallings off. But there never has been, and we believe, trusting in the word of Christ, that there never will be, a time when the entire Church Catholic did or will vanish from the face of the earth. No—for „the foundation of God standeth sure” (II Tim. 2, 19); the Church of Christ is built upon a rock „and the gates of hell shall not prevail against it” (Matth. 16, 18). The more furiously the waves beat against this immovable Rock, the further back they recoil from it! At

подвижную, тѣмъ дальше отскакиваютъ онѣ отъ нея! Иногда враги Церкви Христовой готовы бываютъ праздновать полную побѣду надъ Церковію; имъ кажется, что они покончили съ нею. Но что же? Какъ вздувшіяся волны, ударивъ о корабль, снова сливаются съ моремъ, и не видно ихъ, и не отличить ихъ отъ другихъ волнъ, такъ и враги Христовы, поставъ на Церковь Божию, снова возвращаются въ ничтожество, изъ котораго вышли, а корабль церковный по прежнему продолжаетъ свое побѣдное шествіе впередъ. Каждый вновь прожитый годъ все болѣе утверждаетъ несомнѣнность того, что истина Господня пребываетъ во вѣкъ, и что Церкви Христовой и врата ада не одолѣютъ.

Какъ же послѣ сего не радоваться намъ—членамъ Православной Церкви—и не благодарить Бога за побѣду надъ врагами! Какъ не торжествовать при видѣ того, что Церковь Христова—царство не отъ міра сего, не располагающее никакими мірскими средствами и земными приманками, царство уничиженное, гонимое, безсильное,—не только не погибло въ мірѣ, но возрасло и побѣдило мірѣ! Какъ не торжествовать при мысли о томъ, что, несмотря на всяческія насилія, нападенія, противодѣйствія, Православная Церковь сохранила вѣру Христову, какъ драгоценное сокровище, въ первоначальной чистотѣ, цѣльности и неповрежденности, такъ что вѣра наша есть вѣра Апостольская, вѣра отеческая, вѣра Православная!

Что Православная Церковь сохранила въ чистотѣ и неповрежденности первоначальное ученіе, это признаютъ многіе даже и не изъ принадлежащихъ къ Церкви; только они прибавляютъ при этомъ, что будтобы Православная Церковь ничѣмъ не обнаруживаетъ своей правоты и истин-

times the foes of the Church of Christ are on the point of celebrating their complete victory over the Church; they fancy they have finished her. But lo! the swelling waves, after striking the ship, dissolve again into the sea, and nothing more is seen of them, and there is no sign whereby to tell them from other waves: so the foes of Christ, after rising up against the Church of God, return into the nothingness out of which they came, and the ship of the Church presses onward, ever victorious. Each year, as it passes away, confirms more and more the undoubted fact that "the truth of the Lord abideth forever," and that "the gates of hell shall not prevail against the Church of Christ."

How then should we not rejoice—we, the members of the Orthodox Church, and not give thanks to God for victory gained over enemies? How should we not exult, when we see how the Church of Christ,—a kingdom not of this world, unequipped, poor in strength,—not only hath not perished in the midst of the world, but hath conquered the world! How should we not triumph at the thought that in spite of manifold attacks, of violence, persecution, opposition, the Orthodox Church hath preserved entire the faith of Christ, in its pristine purity, so that our faith is *the faith of the Apostles, the faith of the Fathers, the true Orthodox faith!*

That our Church has preserved intact and untainted the primitive doctrine, is acknowledged by many who do not belong to it. Only they add that, in their opinion, the Orthodox Church does not in any way manifest her purity and truth,—that she does not increase and prosper upon the earth,—that, exclusively devoted to the task of preserving the primitive doctrine, she has retired into herself, cut herself off from everything else, and stays at freezing point,

ности, что она никого не привлекаетъ къ себѣ, не растетъ и не успѣваетъ на землѣ, что, задавшись цѣлью сохранять первоначальное ученіе, она ушла въ себя, замкнулась отъ всего остального, стала на точкѣ замерзанія; въ ней застыла жизнь и она сдѣлалась церковію мертвою; по крайней мѣрѣ, говорятъ, она не обладаетъ главнымъ признакомъ жизненности, именно духомъ миссіонерства.

То, быть можетъ, и правда, что жизнь Церкви Православной не бьетъ такъ въ глаза и не блистаетъ такими яркими красками, какъ жизнь другихъ церковныхъ общинъ, гдѣ больше блеску и шуму, но гдѣ зато меньше сокровенныхъ плодовъ Духа Божія... Въ частности, справедливо то, что у насъ нѣтъ такихъ широко-организованныхъ миссіонерскихъ учрежденій, какъ въ инославныхъ общинахъ разныя „конгрегаціи“ и „пропаганды вѣры“, и не употребляется на это дѣло столько средствъ, сколько тамъ. Но все же Православная Церковь помнитъ заповѣдь Христа о распространеніи евангельской проповѣди и вовсе не чужда миссіонерскаго духа, только ея миссіонерство имѣетъ иной характеръ.

Православная Церковь при распространеніи христіанства не имѣетъ обыкновенія строить на чужомъ основаніи, утверждать христіанство тамъ, гдѣ оно уже проповѣдано, тогда какъ другія христіанскія общины зачастую пожинаютъ плоды, гдѣ первоначально сѣяли другіе, и не прочь бываютъ за деньги и наспіемъ захватывать въ свои пріюты „овець изъ чужого двора“. Православная Церковь чуждается также и тѣхъ пріемовъ, которые допускаются иногда инославными миссіонерами при проповѣди христіанской: не прибѣгаетъ къ незаконнымъ средствамъ при обращеніи въ христіанство, не вступаетъ въ сдѣлки съ предразсудками и страстями человѣческими,

—that life in her [is frozen, and that she has become a dead church; or at least, that she does not show the principal symptom of vitality, namely the missionary spirit.

All this may possibly be true insofar that the life of the Orthodox Church does not so much catch the eye, is not resplendent with such striking colors as the life of other religious communities, where there is more brilliancy and noise, but proportionately less of the fruition of the divine Spirit. Coming down to particulars, it is true that we have no missionary organization on so large a scale as the various „congregations“ „Propagandæ fidei,“ etc. of other communities, and do not spend so much money for this object. Still, the Orthodox Church is not unmindful of Christ's commandment to go forth and preach the Gospel, nor is she by any means devoid of the missionary spirit, only the character of her missionary work is different.

It is not the Orthodox Church's way, in propagating Christianity, to *build on foundations laid by others*, to preach Christianity where it has been preached before;—while other Christian communities not unfrequently reap where others had been the first to sow, and are not always disinclined to bribe or force into their „homes“ sheep from their neighbours' folds. The Orthodox Church, again, is opposed to certain methods which other missionaries do not always discountenance, will not use any illegitimate means to convert, does not make any concessions to human prejudice or human weaknesses, does not impair the purity of Gospel truth in order to secure the greatest possible number of followers, for she thinks the number of converts of less importance than the quality of their faith. Above all, the Orthodox Church performs her holy missionary work quickly, in a humble and reverent spirit, with the

не искажаетъ чистоты евангельской истины для того, чтобы приобрести себѣ больше членовъ, ибо почитаетъ важнымъ не число только вѣрующихъ, но и качество ихъ вѣры. Но главное—это то, что Православная Церковь совершаетъ дѣло святой миссиі въ тиши, со смиреніемъ и благоговѣніемъ, съ признаніемъ немощи человѣческой и силы Божіей. Инославные миссіонеры не рѣдко бываютъ не прочь пошумѣть и потрубить о своей дѣятельности; свои подвиги они тщательно записываютъ, чтобы весь свѣтъ послѣ зналъ ихъ дѣянія и воздавалъ славу имъ;—оттого о нихъ много и говорятъ. Но не такъ поступаютъ православные благовѣстники: они идутъ на святое дѣло не для того, чтобы приобрести себѣ славу у людей, а для того, чтобы и себѣ стяжать милость у Бога, и другимъ спасеніе. О своихъ успѣхахъ они не трубятъ передъ міромъ и приписываютъ ихъ не себѣ, а силѣ Божіей. Вотъ что, напр., говоритъ о себѣ великій нашъ миссіонеръ Митрополитъ Иннокентій: „могу ли я, говоря по всей справедливости, вѣнчать себѣ въ заслугу или считать за какой нибудь подвигъ то, что я поѣхалъ въ Америку? Могу ли я присвоить собственно себѣ что либо изъ того, что при мнѣ или черезъ меня сдѣлалось добраго и полезнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я служилъ? Конечно, нѣтъ; но крайней мѣрѣ—не долженъ. Богъ видитъ, какъ тяжело мнѣ читать или слышать, когда меня за что либо хвалятъ, и особенно, когда сдѣланное другими или, по крайней мѣрѣ, не мною однимъ, приписываютъ мнѣ одному. Признаюсь, я желалъ бы, если бы это было только возможно, чтобы и нигдѣ не упоминалось мое имя, кромѣ обыкновенныхъ перечней и поминаньевъ“.*) Такимъ смореніемъ отличаются и другіе православные миссіонеры; и въ ихъ

*) «Православный Амер. Вѣстникъ» за 1897 годъ, № 24, стр. 503.

consciousness of man's feebleness and of God's power. The missionaries of other churches are at times, inclined to make themselves heard and blow their own trumpets. They keep careful records of their labors, their achievements, in order that the whole world may be informed of them and do them honor—that is why they are so widely spoken of. Not such are the methods of the Orthodox preachers of the Gospel: in going to their holy work, they do not aim at fame among men, but only at obtaining divine mercies for themselves and salvation for others. Of their success they do not inform the world, and attribute it not to themselves, but to the operation of God. As an instance in point, I will quote the following words of our great missionary, later Metropolitan Innocentius, in speaking of himself:—„Can I, speaking in all fairness,—can I claim as a merit, or consider as a deserving act, the fact of my going to America? Can I attribute personally to myself any of the good and useful things which were done during my residence, or through me, in those localities, the place of my ministrations? Certainly not; at least—I ought not to do so. God knows how much it mortifies me to read or hear anything in my praise, especially when things which were done by others, or at least not by myself alone, are ascribed to me personally. I confess I should wish, if only it were possible, that my name might never and nowhere be mentioned, except in the way of ordinary commemoration at services and the like.“*) The same humility distinguishes all other Orthodox missionaries, and in their work nothing is calculated for effect, there is nothing artificial. It is probably for this reason that so little is known about our missionaries. But this reticence in

*) See „Russian American Orthodox Messenger,” for 1896, No. 24, p. 503.

дѣятельности нѣтъ ничего эффектнаго, дѣланнаго. Оттого, быть можетъ, и мало знаютъ о нашихъ миссіонерахъ; но отъ этого нисколько не умаляется величіе ихъ подвиговъ, которые могутъ служить достойнымъ зрѣлищемъ для ангеловъ и челоуѣковъ. Возмемъ хотя бы исторію нашей сѣверо-американской миссіи. Исторія эта можетъ поразказать о такихъ подвигахъ, которые способны изумить своимъ геройствомъ, и это тѣмъ болѣе, что сами герои-благовѣстники не придавали значенія своимъ подвигамъ, видя въ нихъ лишь скромное исполненіе своего святого долга. Безъ малѣйшаго смущенія они отправляются въ отдаленнѣйшія и негостепріимныя страны, которыя даже и теперь, при усовершенствованіи путей сообщенія, пугаютъ большинствомъ людей; здѣсь они терпятъ всевозможныя лишенія и невзгоды, лишь бы привести ко Христу людей, невѣдущихъ закона. Ничто ихъ не удерживаетъ отъ сего: ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненія, ни мечь, ни голодъ, ни холодъ, ни опасности, ни глубина, ни высота, какъ и написано: за Тебя умерщвляютъ насъ каждый день (Римл. 8, 35, 36, 39). И дѣйствительно умерщвляютъ: вспомнимъ хотя бы іеромонаха Ювеналія, одного изъ просвѣтителей алеутскихъ. И не отъ людей только, а и отъ стихій были умерщвляемы наши миссіонеры: вспомнимъ нашихъ доблестныхъ вождей миссіи—Преосвященныхъ Іоасафа и Нестора, животь свой скончавшихъ въ бездонной утробѣ океана!

Ужели же Церковь, дающая такихъ самоотверженныхъ благовѣстниковъ, прошедшихъ съ проповѣдью о Христѣ въ недоступныя дебри и здѣ положившихъ душу свою за вѣру Христову,—ужели же такая Церковь можетъ быть упрекаема въ томъ, что она безжизненна, недѣятельна, не имѣетъ миссіонерскаго духа, не за-

no wise detracts from the greatness of their labors, which are a spectacle for angels and men. Let us take as an instance the history of our North American Mission. This history knows of such heroic endeavor as would amaze the world, all the more that the heroes gave no importance to what they did and endured, considering it all as lying in the modest line of a sacred duty. Nothing daunted or dispirited, they journeyed to the remotest, most inhospitable countries,—into which even at the present day, with the greatly improved means of communication, men are shy of venturing. There they suffer every imaginable hardship and privation, with no thought save that of bringing to Christ men ignorant of the Law. Nothing could keep them from their task: „not tribulation or distress, or persecution or the sword, nor yet famine or nakedness, or perils, nor height nor depth, as it is written, For Thy sake we are killed all the day long” (Roman. 8: 35, 36, 39). Literally „killed”: only remember the Hiero-deacon Juvenal, one of the evangelizers of the Aleuts, And not by men alone have our missionaries been killed, but also by the elements: remember the illustrious leaders of the Mission, Bishops Joasaph and Nestor whose lives came to an end in the Ocean’s bottomless abysses!

Can then a church, which produces such self-sacrificing champions of Christ, who have carried His Word into inaccessible wildernesses and there laid down their lives for their faith,—can such a church, I ask, be accused of lack of vitality, of inactivity, of being wanting in the missionary spirit, of not caring for the propagation of Christianity? No longer ago than last year, the Orthodox Church registered a new success in her mission: the reunion of several thousands of Nestorians, led by their pastor, Jonas, Bishop of Urumith. Is this event not to be accounted a new victory, a new

ботится о распространении евангелія! Не далѣе, какъ въ прошломъ году Православная Церковь имѣла новый успѣхъ въ своей миссиі: съ нею воссоединилось нѣсколько тысячъ несторіанъ въ главѣ съ Урмійскимъ епископомъ Маръ Іоною. Это ли не новая побѣда и не новое ли торжество Православія”!

Возблагодаримъ же, братіе, Господа, благодарящаго намъ и съ своей стороны приложимъ попеченіе и о сохранении святой Православной вѣры и о распространении ея между невѣдущими закона Господня.

7 Марта, 1899 г.

С.-Франциско.

A MOMENTOUS CENTENIAL JUBILEE.

In September of the same year Benjamin, Bishop of Irkutsk, reported to the Most Holy Synod that he was in receipt of the appointment of the Archimandrite Joasaph for Bishop of Kadyak, but that there was no way of informing him thereof before the summer of the following year, 1797, as the journey of over 3500 versts from Irkutsk to Okhotsk was impracticable in winter, and navigation from Okhotsk to Kadyak, a distance of 5000 versts, was open only in summer. As to the voyage from Kadyak to Okhotsk, it could be performed only once in three years, on the terms of the agreement with the Company, and the next trip would be made in 1799. But the Company, Bishop Benjamin added, in view of the exceptional importance of the present occasion, promised to send the Archimandrite to Irkutsk in 1798, on a special vessel. The report was received by the Synod on the 8-th of November 1796, and up to September of the following year nothing more was done in the matter of the Ame-

„Triumph of Orthodoxy?”

Let us then, my brethren, give thanks to the Lord for all His mercies, and let us, on our side, apply our care to the preservation of the Holy Orthodox Faith and the propagation of it among those who know not the Law of God!

BISHOP TIKHON.

March the 7-th 1899.

S. Francisco.

rican Mission, except that a very respectable pontifical vestry was got together and sent off to Irkutsk during this time. But on the 30-th of September 1797, the Most Holy Synod, for some reasons unknown, presented to the Empress a memorial setting forth that, Archimandrite Joasaph could not arrive at Irkutsk earlier than October 1798, and the Synod thought it desirable to interrogate him personally on the condition of the country and all circumstances concerning the natives thereof, such information being useful to the State, and that therefore it might be well if it should please His Majesty to order that the said Archimandrite be summoned from Irkutsk to St. Petersburg for consecration. In reply to this memorial, an imperial ukaz to the Synod was issued on the 13-th of October 1797, in which were the following words: „We see no necessity that the Archimandrite Joasaph, appointed to be Bishop in the Northern part of America should be summoned to St. Petersburg to be consecrated for that office, since such a journey, in view of the great distance, cannot but cause great pecuniary loss either to himself or to the Treasury. The consecration, therefore is to take place at Irkutsk.” Conformably to this decision, the Most Holy Synod, on the 19-th of October, ordered that an accurate list of all items of desirable information should be demanded of Archimandrite Joasaph on his arrival at Irkutsk then

should be prepared in its own chancellery and laid before the Synod for approval. This order resulted in a list of questions, to which Joasaph gave the answers, under the title of „Brief items of information concerning the Isle of Kadyak and others, topographical, climatical and esthetical.” At the same time that this order was sent to the Bishop of Irkutsk, who was commissioned to receive Joasaph’s replies when he should arrive at Irkutsk, the Holy Synod added a supplementary clause, directing the Bishop, conformably to a memorial of the Metropolitan Gabriel, „to have the Archimandrite Joasaph under his personal observation, and also to find out through other persons, competent and reliable in his estimation, and in a discreet manner, how Joasaph had conducted himself during his residence in those parts. And should he, Bishop Benjamin through this investigation, become aware of anything doubtful in the Archimandrite’s action, or receive any declaration to that effect from others, he was, before proceeding to his consecration, to inform the Holy Synod circumstantially of such result in a special report.”

In the last days of November 1798 Archimandrite Joasaph arrived at Irkutsk. On the 17-th of March of the following year he delivered the replies to the Holy Synod’s questions concerning the isle of Kadyak and the natives of those Islands. At the same time the Bishop of Irkutsk wrote to the Synod, reporting „that the Archimandrite’s conduct had been under observation, and that he, the Bishop, in all sincerity and without the least conscientious scruple, thought it his duty to testify that he could not find anything doubtful in Joasaph’s conduct, and that, all through his residence at Irkutsk, of which the fourth month was now nearing its end, he had borne himself as behoves a respectable and intelligent man. That moreover, he, the Bi-

shop, had carefully enquired into the Archimandrite’s life and conduct on the islands, and that through men who should be familiar with the country and the conditions there. That he had heard nothing from anyeody that could reflect upon his honor; that on the contrary, all declared themselves satisfied with his actions, and that the Companys’ agent expresses himself with unqualified praise concerning him. „The result of the investigation having thus proved favoarable to Arcimandrite Joasaph, his nomination was announced on the 3-d of April, and *on the 10-th day of the same month*, he was consesrated for Bishop of Kadyak in the winter chapel of the cathedral church, in the presence of a large concourse of people. In the first days of May 1799, as soon as navigation was opened on the rivers, the newly consecrated Bishop Joasaph, accompanied by the Hiero-monk Macarius, the Hiero-deacon Stephen and one lay brother, bade farewell to Irkutsk; in the autumn they reached Okhotsk went on board the Company’s frigate „Phœnix”, and started for Kadyak. But it was not the will of Providence that Joasaph should reach his flock. The ship went down with all on board,— when or where was never known. The only information we have of the sad catastrophe is the following report from the general manager of the North American Co., Baranot:—„The frigate “Phœnix” sailed from Okhotsk in the autumn of 1799, direct for Kadyak. She was sighted by both Russians and Aleuts on the 28-th of October, not far from the Isle of Unalashka; but where she was wrecked, is not known. As to the cause of the catastrophe, the followig conjecture is offered by those who witnessed her departure from Okhotsk: it appears that a fierce epidemic of cough, dysentery and brain fever was raging there at the time. The mortality was great, and as the trans-

port had on board over 70 passengers—fishermen and hunters—there must have been in the number cases of infection which spread it among the others; the navigator Schilz may possibly have died of one or other of the diseases; and as there was no other, the ship may have had no one to govern her and thus have been at the mercy of winds and waves. Still, she was seen not far from Unalashka, making for Kadyak under heavy stress of weather.” Baranof further reported that, in May and June 1800 various articles had been thrown up on Kadyak and other neighboring islands, among others several wax candles of small and medium size, which were handed over to the church, and two leather bindings from large books. Nothing more was ever found, nor were there any authentic reports received as to the locality where the ship was wrecked.

In March 1811, the Holy Synod, influenced by various unfavorable circumstances, framed a resolution proposing to abolish the Kadyak Diocese, and to call to Petersburg in future for ordination such native pupils of the Kadyak school as should be fit to be priests in American parishes. But the Emperor Alexander I. would not hear of abolishing the new diocese, and commissioned the Holy Synod to find a candidate to the episcopal see at Kadyak, paying particular attention that his qualifications be adapted to so important a task as the conversion of savages to Christianity. Still the Holy Synod, from various reasons, did not find it possible to appoint a bishop for Kadyak until 1840, when Innocentius Veniaminof was chosen for the post.

(Many and heavy have been the trials

which our Mission has had to encounter in the course of its more than hundred years of existence. The loss of the frigate “Phoenix” with her Right Reverend passenger at the very moment when the Mission was beginning to take a firm stand and was rejoicing at its great good fortune in having obtained, at so early a period of its existence, a Bishop of its own, was a heavy blow to the young American Church and kept her back for a long time.

And yet—the earnest zeal which prompted the prelate whose memory we are about to celebrate to turn from the great monasteries of either capital, where, as a man of culture and education, he naturally belonged, and to select for his monastic schooling the stern rule of the Balaam Monastery where he was soon raised to the dignity of Archimandrite;—the self-sacrificing readiness with which, in the face of hardships and difficulties, he journeyed, at the head of his small band of devoted followers, to a remote land, to bring light to benighted savages;—the fruitful apostolic activity which signalized his two brief sojourns there—these are to us so many convincing proofs that the American Church, from its very first days, had a worthy and glorious head, and lost, in the person of Bishop Joasaph, a most zealous apostle and worker.

To us and to our children, and for future times, the life and labors of Bishop Joasaph, brief as they were, remain a treasure of lessons, edifying and instructive.

Then let our prayers, on the day devoted to the commemoration of our first Bishop, come from the depth of our hearts, and let our remembrance of him be one of eternal memory and gratitude!

* * *

* * *

Нушаганская Православная Миссія.

Изъ годового отчета Свящ. В. Модестова.

Въ 1897 году въ моемъ вѣдѣніи состояла одна церковь, десять молитвенныхъ домовъ и при нихъ 2998 душъ обоюго пола прихожанъ (1553 души м. п. и 1445 ж. п.), разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ и паселяющихъ двадцать пять селеній, находящихя отъ стана миссіи на значительномъ разстояніи.

Ветхое зданіе нашей церкви давно уже требовало капитальной ремонтровки, но неимѣніе средствъ и отсутствіе сторонней помощи не дозволяло приступить къ этому дѣлу; когда же явились средства для этой ремонтровки, отпущенныя Аляскинскимъ Духовнымъ Правленіемъ на сей предметъ въ количествѣ 200 долл., то зданіе церкви пришло уже въ таксе состояніе, что всякая ремонтровка его оказалась и безполезной и невозможной.

Въ 1897 году вопросъ о ремонтѣ церкви нашей получилъ опредѣленное разрѣшеніе: милостію Его Преосвященства разрѣшенъ сборъ пожервовацій по всей Аляскѣ на построеніе новаго храма въ Нушагакѣ, и этотъ сборъ тогда же начался.

Не смотря на ветхость всего зданія нашей церкви, внутренность ея, стараніемъ всего причта и нѣкоторыхъ прихожанъ, приведена въ наилучшій видъ, сообразно съ нашими средствами и положеніемъ. Такъ, къ празднику Пасхи мы съ псаломщикомъ на свои средства и своими руками оклеили очень приличными шпалерами стѣны и потолокъ алтаря и потолокъ всей церкви; стѣны церкви были бы тоже оклеены, но недостатокъ шпалерной бумаги въ единственной нашей лавкѣ помѣшалъ это сдѣлать; попорченную и облинявшую краску на стѣнахъ алтаря и на всѣхъ частяхъ иконостаса, и преимущественно царскихъ дверяхъ, а также и на иконныхъ рамахъ, мы замѣнили новой. По примѣру нашему, прихожане содержатъ молитвенные до-

ма въ своихъ селеніяхъ въ чистомъ и наилучшемъ видѣ. Находясь вдали отъ приходскаго храма и не имѣя возможности посѣщать его для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, по причинѣ своей бѣдности и неимѣнію средствъ къ сообщенію съ храмами, прихожане мои всю любовь къ церкви переносятъ на свои часовни. Все ветхое и поврежденное въ часовняхъ они общими силами замѣняютъ новымъ; такъ: въ Паугвикѣ и Игъяшкѣ старыя крыши замѣнены новыми, въ Илямнѣ пристроены новыя сѣны, въ Экукѣ почти все зданіе передѣлано вновь и покрыто новой черепичной крышей. Внутренность часовень содержится также соотвѣтственно благолѣпію дома молитвы; почти во всѣхъ часовняхъ стѣны внутреннія и потолокъ обиты бѣлымъ миткалемъ или ситцемъ; ежегодно число иконъ увеличивается приобрѣтеніемъ новыхъ кладбища и самыя часовни обнесены почти всѣ оградой изъ частыякола. За устройствомъ и украшеніемъ часовень наблюдаютъ тайоны и старосты. При всякой часовнѣ есть какой либо изъ грамотныхъ прихожанъ, который служитъ при ней чтецомъ и состоитъ въ то же время учителемъ въ школѣ грамоты.

На ряду съ признаками полноты и отрады духовной, религіозно-правственной жизни моихъ прихожанъ временами давала и признаки несовершенства и огорченія.

Обозрѣвая жизнь и религіозно-правственное состояніе прихожанъ за истекшій годъ, нельзя сказать что-либо общее о всѣхъ прихожанахъ. Большая часть состава Нушаганскаго прихода — Кускоквимцы, — обратились къ православной церкви въ сравнительно недавнее время изъ языческаго шаманскаго повѣрія, еще не освободились отъ своихъ языческихъ вѣрованій, и мало утверждены въ Православіи. Другая же часть прихожанъ, живя среди бѣлыхъ людей, кажется, всѣхъ націй и всевозможныхъ вѣроисповѣданій, и цѣлое лѣто вращаясь въ ихъ об-

ществу, не могла непристраситься къ порокамъ этихъ людей: пьянству, распутству, карточной игрѣ, брани, и пр. и пр., доходя даже и до индифферентизма къ религіи и церкви. Поэтому, говоря о религіозно-правственномъ состояніи моихъ прихожанъ, я рѣзко раздѣляю ихъ на двѣ части: первую часть составляютъ прихожане, хотя достаточно просвѣщенные въ православной вѣрѣ, но живущіе среди иностранцевъ—цивилизаторовъ и подверженные порокамъ этихъ цивилизаторовъ; вторую часть составляютъ прихожане мало просвѣщенные въ православной вѣрѣ и неотрѣшившіеся еще отъ язычества совершенно, хотя и неимѣющіе пороковъ 1-й части прихожанъ, какъ неимѣющіе никакого общенія съ бѣлыми людьми. Последнюю часть прихожанъ составляютъ: Кускоквимцы, живущіе по рѣкѣ Тугаку и Игушеку, и Киатенцы, живущіе по рѣкѣ Нушагакъ, а первую—жители прочихъ селеній.

Почти во всѣхъ селеніяхъ этихъ прихожанъ есть или строятся теперь часовни; есть вездѣ тѣцы изъ мѣстныхъ жителей; церковныя службы, дозволенные для совершенія мірянамъ, совершаются каждый праздникъ и воскресный день. Богослуженія посѣщаются прихожанами усердно; долгъ исповѣди и св. Причастія не только исполняется всѣми, но и, замѣтно, исполняется съ искреннимъ чувствомъ и полнымъ религіознымъ сознаниемъ; всѣ глубоко почитаютъ праздники православной церкви, очень любятъ совершать поминовенія объ умершихъ и молебствія (последнія преимущественно и почти исключительно во дни своихъ именинъ); при поѣздкахъ моихъ по миссіи вездѣ встрѣчаютъ меня какъ своего пастыря и отца, многолюдно и торжественно, и такъ же провожаютъ; молитвенные дома бывають переполнены въ день моего приѣзда и пребыванія въ селеніи, и съ глубокимъ вниманіемъ всѣ слушаютъ поученія и собесѣдованія. Изъ пороковъ этихъ прихожанъ на первомъ мѣстѣ должно поставить пьянство: пьютъ не только большіе, но и дѣти 10—15 лѣтъ;

пьютъ взрослые, женщины и дѣвушки, нѣкоторые пропизаютъ весь лѣтній заработокъ; Пьянство бываетъ только лѣтомъ; зимой 1897-8 пьянства положительно не было; спаиваютъ ихъ преимущественно китайцы, продающіе какую-то гадость по 1 дол. и 1 дол. 50 цент. бутылку. Конечно, не во всѣхъ селеніяхъ такъ бываетъ, и не всѣ пьянствуютъ. Особенно подвержены пьянству обитатели селенія Кануликъ и отчасти Паугвикъ; особой же трезвостію отличаются жители селенія Коглянъ, какъ находящіеся подъ руководствомъ своего тайона—Кускоквимца Василія Ихчакукъ,—человѣка религіознаго, нравственнаго, трезваго, дѣльнаго и всѣми уважаемаго. Другой порокъ—распутство. Хотя между прихожанами нѣтъ явнаго, открытаго, незаконнаго сожителства, что особенно развито у прихожанъ другой группы, но зато сильно привилось тайное прелюбодѣйство. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на исповѣди приходится выслушивать покаянiе въ грѣхѣ противъ седьмой заповѣди рѣшительно отъ каждаго человѣка обоихъ половъ. Въ последнее время въ нѣкоторыхъ селеніяхъ стала было развиваться карточная азартная игра на вещи и на деньги, но благодаря тому, что я своевременно узналъ объ этомъ, была пресѣчена въ самомъ началѣ своего развитія.

Послѣдствіемъ этихъ пороковъ явилась, какъ и слѣдовало ожидать, любострастная болѣзнь, особенно развитая среди жителей селенія Паугвикъ; та-же болѣзнь въ болѣе сильной степени развита среди кенайцевъ, но не отъ пьянства и др. пороковъ, а занесена отнѣ; прежде многочисленное племя Кенайцевъ, жившихъ въ селеніяхъ около кичекскаго озера, теперь близко къ окончательному исчезновенію, и преимущественно любострастная болѣзнь скосила все это племя Нушагакскихъ Кенайцевъ.

Нѣтъ этихъ пороковъ у жителей селеній по рѣкѣ Тугаку, т. е. у прихожанъ 2-й группы; но зато ихъ нельзя еще пазвать не только православными христіанами, но и христіанами вообще. Это полуязычники и по-

лукристане, т. е. они — язычники съ христіанскими обычаями и вѣрніями и христіане — съ языческими обычаями, примѣтами, суевѣрїями и образомъ жизни. Почти всѣ они сравнительно въ недавнее время приняли христіанство. Живутъ они вдали отъ храма приходскаго и отъ священника и совершенно удалены и не имѣютъ ровно никакихъ сообщеній не только съ бѣлыми людьми, а и съ другими туземцами Нунагакской миссіи, болѣе ихъ просвѣщенными въ православной вѣрѣ. Каждый годъ въ эти селенія переселяются дикія некрещенныя семейства Кускоквимцевъ съ сѣвера Аляски и они-то, особенно поддерживая шаманство, соблазняютъ и другихъ. По этимъ причинамъ прихожане этой группы и послѣ принятія крещенія придерживаются языческихъ суевѣрїй и обычаевъ шаманства. Такъ, они рѣдко молятся Богу, не посятъ почти креста, не погребаютъ умершихъ по христіански въ гробахъ и могилахъ, а хоронятъ ихъ въ сидячемъ положеніи сверхъ земли, вывѣсивая на эти могилы всѣ особенно любимыя покойникомъ вещи, какъ то: ружья, котлы, байдарики, бузы и пр. пр.; при всякой болѣзни зовутъ шамана — колдуна и за его причитанія и пашептыванія платятъ очень дорого, сравнительно съ ихъ бѣдностію, и т. д.

Между этими прихожанами особенно развито вѣбращное сожитіе, имѣющее свою основу въ племенномъ обычаѣ брать невѣсту въ домъ до вступленія съ нею въ законный бракъ, для испытанія ея характера и способности къ дѣторожденію. Привыкнувъ жить внѣ брака, они неохотно вступаютъ въ законный бракъ. Домашняя бытовая ихъ жизнь — внѣ всякаго описанія: грязь, нечистота и паразиты. Прошедшей зимой, желая ближе познакомиться съ ихъ жизнью и застать всѣхъ прихожанъ въ сборѣ, я предпринялъ поѣздку въ Тугіакскія селенія именно въ такое время, когда мнѣ волей — неволей пришлось жить двѣ недѣли ихъ жизнью, днeвать и ночевать въ общемъ ка-

жимѣ. Все, что пришлось мнѣ видѣть и испытать при этомъ, произвело на меня такое тяжелое впечатлѣніе, что я возвратился домой физически и душевно полубольнымъ.

Вслѣдствіе такого религіозно нравственнаго состоянія прихожанъ отъ пастыря требовалась и требуется особенная заботливость о религіозномъ просвѣщеніи и нравственномъ исправленіи ихъ въ духъ православной вѣры. Сознывая нравственныя и религіозныя потребности своей паствы, я прилагалъ къ удовлетворенію ихъ всѣ старанія и силы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Индіанское племя Тлингитъ.

Поселенія аляскинскихъ индіанъ. Первое знакомство съ ними русскихъ — сто лѣтъ тому назадъ. Война и охота. Языкъ — показатель культуры.

Между разными, населяющими аляскинскую территорію инородцами есть одно племя, называющее себя „тлингитъ“, что значитъ „народъ“, — въ томъ смыслѣ, что-де только принадлежащіе къ этому племени суть люди, свободные, независимые, — подобно тому какъ въ древнее время евреи усвоили себѣ имя народа избраннаго, народа Божія.

Первые русскіе посѣтители Аляски называли ихъ к а л ю ж а м и или колошамн. Подъ этимъ именемъ они извѣстны отчасти и по сію пору. Но будетъ ближе къ правдѣ именовать ихъ аляскинскими или морскими индіанами, какъ ихъ обычно и называютъ американцы, въ виду того, что „тлингитъ“ принадлежитъ несомнѣнно къ той же народности, къ какой относятся всѣ материковые, кочующіе по канадійскимъ и принадлежащимъ Соединеннымъ Штатамъ степямъ, индіане.

По географическому положенію посе-

ленія аляскинскихъ индіанъ раскинулись по всему юго-западному берегу аляскинскаго материка между 128° и 145° сѣверн. долг. и 50° и 60° сѣверн. шир.; главнымъ же образомъ по большимъ островамъ, примыкающимъ къ нему: Чичаговымъ, Барановымъ, Адмиралтейскимъ, Куприановымъ, Припца Валлійскаго, и др. Главныя индіанскія поселенія въ этихъ предѣлахъ находятся: въ Ситкѣ, Килисно, Хуна, Хуэновъ, Чилкатъ, Якутатъ, Врангель, Кековъ, Таку, Джуно и пр. Эти поселенія есть не болѣе-не менѣе какъ продолженіе такихъ же индіанскихъ поселеній другихъ племенъ: гайда, тимсіанъ или чимсіанъ, танана, и др., простирающихся до Канады и Штатовъ. „Тлингитъ” было очевидно, передовымъ племенемъ, двпгавшимся съ востока на западъ по безбрежнымъ степямъ Америки. Можетъ быть это движеніе стоитъ въ общей связи съ движеніемъ индіанскихъ племенъ отъ береговъ Атлантики къ берегамъ Пасифика, начавшимся съ приходомъ на материкъ Новаго свѣта бѣлыхъ людей. Но вѣроятнѣе всего, толчекъ къ переселенію вызванъ былъ общей причиною всякихъ переселеній—междоусобной войной. Побѣжденные племена, припертыя къ морю, должны были спасаться на острова. Здѣсь, въ тихихъ бухточкахъ, малодоступныхъ для врага, они нашли себѣ прибѣжища. Правда, всѣ эти острова покрыты непроходимыми лѣсами, высокіе горные хребты цѣлый годъ лежатъ подъ снѣгомъ, климатъ суровъ, но зато въ этихъ мѣстахъ полно всякаго звѣря, а озера и заливы кишатъ рыбой. Последнее обстоятельство также много могло вліять на переселеніе индіанъ.

Трудно опредѣлить точно и время прихода индіанъ въ Аляску, но во всякомъ случаѣ это случилось не такъ давно, —самое большее—четыре или пять столѣтій тому назадъ. Однако, мы не имѣемъ данныхъ прослѣдить ихъ жизнь болѣе, чѣмъ

на одно столѣтіе назадъ, т. е. ранѣе того времени, когда появились въ предѣлахъ Аляски русскіе промышленники. Но и эти свѣдѣнія сравнительно очень скудны.

Самая ранняя встрѣча русскихъ съ индіанами относится къ концу девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Русскіе застаютъ индіанъ уже знакомыми съ европейцами. Первыми европейцами, захватившими къ нимъ для мѣновой торговли вроятно, были испанцы. По крайней мѣрѣ, такое преданіе существуетъ между самими индіанами. Затѣмъ, влѣдъ за испанцами стали навѣдываться въ индіанскія воды англичане и американцы изъ Бостона, почему и до сей поры индіане называютъ американцевъ бостонцами. Это знакомство съ бѣлыми, однако, началось за какіе нибудь десять—пятнадцать лѣтъ до прихода русскихъ.

Первый разъ русскіе встрѣтились лицомъ къ лицу съ „калюжами” въ 1792 г. въ іюнѣ м., когда Барановъ стоялъ съ партией охотниковъ въ Нучекскомъ заливѣ. Калюжи сами пріѣхали сюда вмѣстѣ съ угаленцами изъ Якутатскаго залива мстить чугачамъ за прошлогоднюю свою обиду. Наткнувшись на станъ русскихъ, вздумали помѣряться силами и съ ними. Ночью напали на Барановскій станъ, но потерпѣли поражение.

Въ 1796 г. въ Чилкатскомъ и Ситхинскомъ заливахъ, по приказанію Баранова, плавалъ капитанъ Шпльцъ, а въ 1799 и 1800 гг. и самъ Барановъ въ Ситхинскомъ заливѣ строитъ первое русское поселеніе между индіанами и крѣпость.

Въ то время поселенія индіанъ были многолюднѣе, хотя, съ другой стороны, сами индіане болѣе склонны были къ кочевому образу жизни. Жили они въ большихъ земляныхъ бараборахъ, въ которыя, вмѣсто двери, вело небольшое полукруглое отверстіе, въ холодное время завѣшиваемое доскутомъ кожи. На срединѣ такой ба-

раборы разводился костеръ, дымъ отъ котораго шель въ отверстіе, продѣланное вверху. Одѣвались звѣриными кожами; на нихъ же и спали. Вели образъ жизни суровый. Большую часть года проводили въ военныхъ походахъ противъ сосѣднихъ алеутскихъ племенъ и во взаимныхъ распряхъ. Война считалась самымъ благороднымъ занятіемъ. Отличаясь храбростію и неустрашимостію, они предпринимали нерѣдко походы моремъ на своихъ якахъ,—огромныхъ лодкахъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева,—подобно древнимъ викингамъ, на огромныя разстоянія, при чемъ въ однѣ сутки, при благопріятной погодѣ, проѣзжали по 150 и 200 миль, т. е. около 300 верстъ. Ихъ военная лодка могла вмѣстить болѣе 40 человекъ хорошо вооруженныхъ воиновъ.

Древнее вооруженіе ихъ, до знакомства съ европейскимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, состояло, какъ и у всѣхъ дикарей, главнымъ образомъ изъ лука и стрѣлы. Наконечникъ стрѣлы дѣлался изъ камня и кости; позднѣе,—послѣ того, какъ индіане познакомились съ мѣдью и другими металлами, — они стали дѣлать металлическіе наконечники. Первый разъ они увидѣли мѣдь, когда, согласно сохранившемуся между ними преданію, на ихъ берегъ было выброшено бурей испанское судно. Изъ гвоздей этого судна сдѣланы были первыя металлическія индіанскія вещи. Еще позднѣе для сей же цѣли стали употреблять желѣзо. Кромѣ лука и стрѣлы каждый индіанинъ носилъ при себѣ большой костяной или каменный ножъ, а послѣ ознакомленія съ металлами—металлическій. Этотъ ножъ всегда висѣлъ у индіанина на груди. Боевое вооруженіе индіанина было таково: одежда, сдѣланная изъ толстой кожи и туго обхватывающая все тѣло, и короткій панцырь, связанный искусно изъ древесныхъ корней. Изъ этого же матеріала и

рыбьихъ жилъ дѣлался небольшой круглой формы щитъ. Панцыремъ иногда на дѣвалось по нѣсколько,—другъ на друга. Сверхъ панцыря иногда накидывался на плечи еще толстый плащъ. Вмѣсто шлема и забрала воиномъ на дѣвалась деревянная шапка съ личиной или маской, которая имѣла отверстіе только для глазъ и рта. Эта маска изображала собой какого нибудь звѣря или птицу, или же какое нибудь фантастическое чудовище.

Вотъ какъ описываетъ Барановъ въ одномъ изъ своихъ писемъ вооруженіе индіанъ и ихъ военную тактику, нападать и биться съ врагомъ,—разсказывая о первой своей встрѣчѣ съ ними въ Нучекскомъ заливѣ въ 1792 году.

„Въ самую глубокую ночь, предъ зарею, окружило насъ множество вооруженныхъ людей, и со всѣхъ сторонъ началось колотье и рѣзаніе инородцевъ (алеутовъ, бывшихъ въ станѣ Баранова)... И насъ подкололи тутъ двухъ, бросившихся со сна. Хотя въ караулѣ и стояло пять человекъ, но они такъ близко подползли за мрачностью ночи, что усмотрѣли уже въ 10 шагахъ колющихъ въ наши палатки. Долго мы стрѣляли изъ ружей безъ успѣха, ибо одѣты они были въ три и четыре ряда деревянными и плетеными куяками и сверху еще прикрывались лосиными претолстыми плащами, а на головахъ—съ изображеніемъ лицъ разныхъ чудовищъ—претолстыя шапки, коихъ никакія ни пули, ни картечи наши не пробивали. И они подлинно въ темнотѣ страшнѣе самихъ адскихъ чертей намъ казались; и наблюдая совершенный порядокъ въ движеніяхъ, по голосу одного повелѣвающего, стройно къ намъ приближались, а часть только отдѣленная бѣгала туда и сюда, причиняя вредъ намъ и повѣрцамъ.

Два часа они стояли, и мы огонь по нимъ производили до самаго разсвѣта, а

туть, отстучая, нѣсколько остановились, покушаясь еще на насъ устремиться”...

Въ Ситхинскомъ музеѣ собрано порядочное количество древняго индіанскаго вооруженія. Нерѣдко воинъ индіанскій имѣлъ еще съ собой дротикъ съ широкимъ острымъ наконечникомъ. Непременною принадлежностью военныхъ походовъ былъ въ прежнее время бубень или барабанъ особаго устройства, теперь употребляющійся между индіанами во время военныхъ танцевъ.

Не чуждъ былъ аляскинскимъ индіанамъ обычай во время военныхъ набѣговъ сдирать кожу съ головы убитыхъ неприятелей, т. е. скальпировать. У многихъ индіанъ и до сей поры сохраняются эти трофеи славныхъ походовъ ихъ дикихъ и свирѣпыхъ предковъ. Особенно высоко цѣнятся ими скальпы бѣлыхъ женщинъ.

Любовь къ войнамъ въ индіанахъ была очень развита. Безконечныя войны велись не только съ разными сосѣдними алеутскими и эскимосскими племенами, но и между собой. Главная причина такой воинственности кроется въ томъ, что законъ кровавой мести между индіанами— „око за око, зубъ за зубъ” — царилъ во всей силѣ и исполнялся съ буквальной точностію. За обиду всегда отвѣчалось обидой, за рану—раной, за смерть—смертью. Племянники (по женской линіи) смывали кровью обиду своего дяди; ихъ собственную обиду мстили ихъ племянники,—и это изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ, пока хотя одинъ членъ этого рода оставался въ живыхъ. Ни одна обида не прощалась и не забывалась.

Война доставляла индіанамъ иной разъ не малую добычу и, главнымъ образомъ, въ видѣ рабовъ. Рабовладѣльчество развито было между индіанами. Самъ индіанинъ считалъ для себя унижительнымъ заниматься черной работой вокругъ своей бараборы: это была обязанность рабовъ

или, въ крайнемъ случаѣ, женщинъ.

Послѣ войны все время у индіанина уходило на охоту за береговымъ и морскимъ звѣремъ. Въ этомъ случаѣ отъ него требовалось не менѣе, чѣмъ на воинѣ,—выносливость, личная храбрость, хитрость и вообще умѣнье овладѣть звѣремъ и въ то же время побѣдить всѣ трудности и препоны, поставляемыя ему мѣстными условіями страны и суроваго климата.

До того времени, пока индіане не завели знакомства съ европейцами и не узнали цѣну мѣхамъ такихъ звѣрей, какъ бобръ, выдра, кѣтикъ, соболь и пр., предметомъ ихъ охоты были тѣ изъ дикихъ животныхъ и звѣрей, которые доставляли имъ пищу, одежду и вообще цѣнились въ ихъ домашнемъ обиходѣ. Въ этихъ видахъ предметомъ охоты изъ береговыхъ животныхъ и звѣрей были: лось (цискъ), медвѣдь, мѣстный олень (кавоканъ) и нѣкоторыя породы горнаго барана, а изъ морскихъ—нерпа и китъ, какъ доставлявшіе огромное количество жира, необходимаго для питанія въ холодномъ климатѣ. () хлѣбныхъ растеній не имѣли никакого понятія. Этотъ продуктъ питанія у нихъ замѣняли, нѣкоторымъ образомъ, различные виды ягодъ, а также корнеплоды шикша, морошка и др. Всѣ кушанья готовятся непременно въ жиру. Самымъ изысканнымъ блюдомъ и до сей поры у индіанъ считаются моренныя головки рыбы или оленей. Приготавливается это кушаніе такъ. Свѣжія головы рыбы или оленя зарываются въ большихъ листахъ лопушника на солнечномъ припекѣ въ землю и остаются въ землѣ до тѣхъ поръ, т. е. дня три—четыре, пока не появится запахъ падали и трупа; тогда лакомство вырывается изъ земли и бережно обсасывается... Самой вкусной частью считаются позеленѣвшіе мозги. Нужна, конечно, не малая привычка даже для того, чтобы только присутствовать при такомъ столѣ. Обычную же, каждодневную

пищу индіанъ, все равно, какъ хлѣбъ у европейцевъ, составляетъ сушеная рыба или юкола тоже съ своимъ специфическимъ запахомъ. Ее обыкновенно ѣдятъ, обмакивая въ рыбій или перпячій жиръ.

AUDIATUR ET ALTERA PARS!

Прочитанная мною въ «Амер. Православ Вѣстникъ» (№ 5, 13 Марта 1899) статья подъ заглавіемъ: «Запросы нашей миссіи. — Необходимость приспособленія нашей миссіи къ мѣстному церковному строю жизни, въ отношеніи календарнаго счисленія,» — гасавляетъ меня предположить, что авторъ ея совершенно упустилъ изъ виду одно чрезвычайно существенное обстоятельство, именно: какія волненія, смуты, неурядки и другія неприяности производилъ этотъ календарный вопросъ въ средѣ именно того народа, которому теперь мы, какъ миссіонеры, призваны служить, — разумѣю угро-и галицко-русскій народъ, — въ частности: какую жестокою борьбу вызвалъ этотъ вопросъ въ Угріи въ 70-хъ годахъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли лучше грегорианскій календаръ нашего, я скажу только, что и тотъ и другой имѣютъ свои ошибки, — что мнѣніе Глазенапа для церкви совершенно постороннее дѣло, — и что онъ не «непогрѣшимъ» въ своихъ взглядахъ на реформу календаря, ибо и въ Германіи и во Франціи ученые совѣтуютъ построить всемірный календаръ на основаніи «декадъ» — децимальной системы, — признавая такимъ образомъ то, что я выше сказалъ, т. е. что грегорианскій календаръ такъ же не точенъ какъ и юліанскій: — такъ что, если уже содержать одинъ изъ нихъ, то, по моему крайнему убѣжденію, всегда лучше держать свое, чѣмъ принимать чужое! Это тѣмъ болѣе, что юліанскій календаръ, какъ ни странно покажется это на первый взглядъ, — есть одна изъ башенъ и крѣпостей, которыя

галицко-и угро-русскій народъ хранять и хранили до сихъ поръ отъ полного огатоличенія!..

Кто занимается исторіей злосчастной уніи, долженъ поистинѣ удивляться, какъ папа и іезуитская орда въ Римѣ, не постарались Терлецкаго, Поцѣя и др. во время оно склонить къ тому, чтобы они съ главенствомъ папы и грегорианскій календаръ приняли. Полагаю, что этому причиной было то, что и сами католики въ то время еще не очень симпатизировали только что введенному новому календарю, и хотя, нѣсколько позже, іезуиты всевозможными способами и пытались это сдѣлать, но видя протестъ со стороны простого народа — оставили дѣло, или, по крайней мѣрѣ, не требовали этого гласно отъ уніатовъ. Въ 1806 году опять былъ поднятъ вопросъ о календарѣ въ Австріи. Австрійское правительство уже и комиссію назначило для этой цѣли, но въ Галиціи, и особенно въ Угріи, люди, духовенство, даже сами уніатскіе епископы заволновались и воспротивились этой попыткѣ, такъ что дѣло было правительствомъ представлено папѣ и папа Пій VII, — вѣрнѣе «Congregatio Rituum» — сказалъ то, что позже, въ 1871—72 году, папа Пій IX отвѣтилъ злопамятному уніатскому епископу Стефану Панковичу, который, при поддержкѣ мадыарскаго правительства, своимъ авторитетомъ хотѣлъ въ своей епархіи (Мукачевской) ввести новый календаръ: «Оставитъ дѣло и не давать повода Православнымъ (или по папско-католической евфоніи: схизматикамъ) обвинять католическую церковь въ томъ, будто она латинскіе обычаи (слѣдовательно и календаръ) навязываетъ уніатамъ», — и дѣло вновь затихло; и хотя въ уніатскомъ мірѣ Галиціи и Угріи папизмъ ежедневно повшества и папистическія «реформы» проводить, какъ напр. целибать на Львовскомъ епархіальномъ соборѣ 1891 года, преобразование Базиліанскаго ордена на іезуитскій ладъ; новые праздники: «Цяла Божего, — Непорочнаго Зачатія, затѣмъ: ружанцы, Монстранціи, Литаніи, — но календаря тронуть не смѣ-

еть, потому что народъ крѣпко придерживается его и видитъ въ немъ единственный свой «Палладій». Доказательство того, что онъ еще не перешелъ на греческо-восточную вѣру, и что онъ и греко-католикъ — не *wszystko jedno!*..

Въ Угріи Мукачевскій уніатскій епископъ Стефанъ Панковичъ (1868 — 1875) поставилъ цѣлью «*reg vim*» ввести новый календарь и не смотря на то, что прочіе уніатскіе епископы, даже румыны, рѣшительно противились этой идеѣ и совѣтовали ему бросить затѣю, — онъ, чрезъ своихъ агентовъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, собиралъ подписи и просьбы къ Правительству объ установленіи календаря грегорианскаго. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто взбунтовался и началась жестокая борьба *pro et contra*, такъ что хотя нѣкоторые изъ его сателлитовъ — священники приняли новый календарь, но въ концѣ концовъ вся затѣя потерпѣла фiasco!..

Въ Галиціи ни одинъ изъ уніатскихъ епископовъ, ни даже кардиналъ Сембратовичъ, не имѣлъ смѣлости ввести новый календарь. Они хорошо знаютъ, что какъ ни олатинщена ихъ паства, но календаря — не тронь!

Насколько знаю, — вопросъ о новомъ календарѣ былъ затѣмъ пересматриваемъ въ 80-хъ годахъ въ Румыніи, — и когда законодательная палата и сенатъ приняли новый календарь, то всѣ архіереи грозили отказаться отъ своихъ кафедръ, если новый календарь будетъ введенъ; и весь вопросъ провалился. А между тѣмъ румыны очень любятъ примазаться къ своимъ «латинскимъ» братьямъ итальянцамъ, французамъ и пр. Наконецъ, извѣстно, что и въ Болгаріи были сдѣланы попытки въ такомъ же родѣ и тоже безъ успѣха.

Словомъ, православыи и даже уніатскій народъ въ юліанскомъ календарѣ не пустой «временникъ» видитъ, но кое-что такое, что съ его религиозно-церковной жизнью тѣсно связано и отъ чего отступить значило бы измѣнить вѣру и обрядъ. Я вполне увѣренъ, повторяю, что если уніатовъ принудить къ новому календарю, —

они, не видя той внѣшней преграды, которая ихъ отъ полного папизма отдѣляетъ, въ скоромъ времени и то бросили бы, что имъ папа еще изволилъ оставить!..

Это, конечно, правда, что въ день нашего Рождества многіе изъ нашихъ православныхъ принуждены работать, но, по моему крайнему мнѣнію, лучше дѣло оставить такъ, какъ оно есть: Богъ, по Своей безконечной милости, проститъ согрѣшенія тѣхъ, кто принужденъ *vi et meti* за пасущій хлѣбъ работать, — чѣмъ смутить и взволновать чувство всѣхъ прочихъ тѣмъ, что они должны съ папистами и протестантами праздновать день Рождества Христова ..

Ссылаться на то, что въ Россіи католики по юліанскому календарю празднуютъ, — тоже ошибка. Въ Россіи государство и церковь строго и тѣсно связаны, тамъ православная вѣра господствующая, тамъ экономическія и политическія условія требуютъ, чтобы такъ дѣло было, какъ оно есть, — а, главное, оно и добре есть! Неужели паписты еще и въ Россіи смѣютъ себѣ чего-нибудь «extra» требовать и хотѣли-ли бы быть «*status in statu*»? Православные христиане по всему свѣту онъ инославныхъ терпѣть должны, напр. въ отоманской имперіи терпятъ давленіе отъ мусульманъ, уніаты — они все-таки русскіе — отъ папистовъ поляковъ и мадьяровъ, нѣмцевъ и др., а въ могущественномъ государствѣ, гдѣ паписты составляютъ только 1/10 часть, или и того меньше, населенія, — тамъ потребны имъ особыя льготы?.. Не довольно имъ, что полное право имѣютъ соблюдать свою вѣру, свои обряды, — за что только неблагодарностью отплачиваютъ!.. Посмотрите на бѣдный галицко и угорскій народъ: что онъ имѣетъ? какъ онъ живетъ? что дѣлаютъ съ его вѣрой, церковью, обрядомъ!..

Затѣмъ, по какому праву могли бы миссіонеры нашей миссіи обсуждать дѣло Вселенскимъ соборомъ установленное? Вѣдь лизость уніатскихъ поповъ уже до такой степени дошла, что они и теперь свой неученый народъ ду-

рять, будто мы новой вѣрѣ учимъ,—что же будетъ тогда?.. не покажемъ ли мы неученой массѣ, что мы тотъ календарь, который она такъ высоко цѣнитъ, ни во что не ставимъ? Не дадимъ-ли мы имъ свидѣтельство, что паписты имѣютъ лучшее?..

Въ такихъ дѣлахъ очень осторожно надо поступать, ибо случится по пословицѣ „*medicina reior morbo*“: уніаты тотчасъ же скажутъ: «вотъ москали, шизматики, воюютъ противъ папы, а принимаютъ папскій календарь: значитъ онъ лучше нашего»... Нельзя забывать съ кѣмъ имѣемъ дѣло. По моему крайнему убѣжденію, это дѣло еще не дозрѣло и покончить этотъ вопросъ не частныя лица, газеты и миссіи призваны, а св. вселенская Церковь! И изъ за тѣхъ — скажемъ 2 — 4 — 5 тысячъ — людей, которые принуждены здѣсь въ Америкѣ въ праздничные дни работать, не нужно намъ сотни тысячъ людей смущать!..

Протоіерей А. Товтъ.

Запросы нашей Миссіи.

Въ помѣщенной выше статьѣ, о. Прот. Товтъ, указывая неосторожность предложенной нами мѣры—замѣны здѣсь отечественнаго нашего счисленія мѣстнымъ, приводитъ въ подтвержденіе не мало интересныхъ справокъ по исторіи календарнаго вопроса въ уніатскихъ сферахъ Австро-Венгріи. Могутъ ли, однако, эти справки имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ, когда ни о несовершенствахъ юліанскаго календаря, ни о совершенствахъ календаря западнаго, ни о необходимости повсемѣстной замѣны в о о б щ е перваго послѣднимъ не было сказано нами ни слова, а, наоборотъ, было совершенно ясно заявлено, что „такой отвѣтственной задачи по отношенію къ данному вопросу мы на себя не беремъ, а имѣемъ въ виду лишь высказать—насколько, съ точки зрѣнія православнаго американ-

скаго миссіонера, желательно при собленіе въ Америкѣ нашего годичнаго церковнаго круга къ принятому здѣсь новому стилю”... Значитъ, предостерегающія указанія о. Прот. Товта имѣютъ силу постолько, поскольку его опасенія могутъ быть перенесены на почву Америки. И здѣсь, надо правду сказать, уніаты исчисляются не единицами, а десятками, даже сотнями тысячъ,—но можетъ ли сопровождаться проведеніе новой мѣры въ Америкѣ такими же смутами и волненіями, какъ въ старомъ свѣтѣ?—Полагаемъ, что нѣтъ, и вотъ почему.

1) Неудобства, вызываемыя несопадениемъ мѣстнаго церковнаго круга съ нашимъ ощущаются и сознаются самимъ народомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ нами—пастырями, и заявленіе объ этомъ почти всегда идетъ отъ нихъ же; значитъ, народъ скорѣе предрасположенъ въ пользу проведенія предлагаемой мѣры, чѣмъ къ возмущенію противъ нея.

2) Агитація со стороны уніатскихъ вожаковъ,—какую заранѣе предугадываетъ авторъ, въ случаѣ положительнаго рѣшенія проекта,—несомнѣнно будетъ и весьма усиленная, но цѣли своей врядъ ли достигнетъ, такъ какъ: а) уніаты и вообще привыкли слышать изъ устъ своихъ вождей про православную миссію одно худое и потому съ полнымъ безразличіемъ отнеслись бы къ новому поклепу; б) замѣна трактовалась бы, какъ допущенная съ ограниченіями, условная, мѣстная: въ предѣлахъ Россіи оставался бы юліанскій календарь неизмѣннымъ; в) каждый православный американскій миссіонеръ сумѣлъ бы выяснитъ это своей паствѣ, вмѣстѣ съ мотивами, по которымъ такая замѣна была бы допущена.

3) Можно быть вполне увѣреннымъ, что присоединенные изъ уніатовъ, сумѣвъ отречься отъ существенныхъ заблужденій уніи и порвавъ связь съ Римомъ, въ мѣст-

ной замѣнѣ календаря не нашли бы вовсе толчка къ недовольству и смущенію, какъ равно и неприсоединенные не очутились бы далѣе отъ возможности возвратиться въ нѣдра своей родной церкви и не стали бы ближе къ полному олатиненію изъ-за того, что наша православная американская миссія нашла бы умѣстнымъ приспособить свой церковный кругъ къ новому стилю.

Совершенная правда и то, что американскіе уніаты по своей численности являются собой достаточный матеріалъ для долгой и долгой миссійной работы, особенно въ сѣверо-восточныхъ штатахъ,— правда и то, что они, какъ сродные намъ по по крови, имѣютъ право на первое и преимущественное вниманіе православной миссии, что, поэтому, наши усилія прежде всего должны быть направлены на обращеніе этихъ нашихъ заблудшихъ братьевъ, а потомъ уже на—овець, яже не суть отъ двора сего; но такъ-же ясно, что въ приходахъ, гдѣ уніатовъ мало, или и вовсе нѣтъ, миссія должна расширяться въ иномъ направленіи. Мы не можемъ отказать себѣ, въ силу полного убѣжденія въ побѣдоносной правдѣ Православія, въ молитвенномъ упованіи, что сѣмя нашей проповѣди будетъ постепенно приносить все болѣе и болѣе плодовъ въ Америкѣ: легко ли будетъ тѣмъ новымъ членамъ, которыхъ приметъ въ свои нѣдра наша церковь, войти въ условія нашего отечественнаго календарнаго счисленія?—Не такъ давно въ Петербургѣ специальная коммисія изъ православнаго духовенства разсматривала вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ старокаатолики могутъ быть признаны православными и при какихъ условіяхъ наша Церковь вошла бы съ ними въ полное—и въ таинствахъ—общеніе; выяснилось, что средостѣніе между обѣими сторонами въ томъ, что, во 1-хъ, наша церковь не допускаетъ *filioque* даже какъ мнѣніе, а, во 2-хъ,

требуетъ введенія въ евхаристическую терминологию слова “пресуществленіе” (*transsubstantiatio*); естественно полагать, что, безъ такового средостѣнія, и одежда, и богослужебный внѣшній строй, и проч., могло бы быть старокаатоликамъ оставлено ихъ собственное,—разумѣется, еслибы состоялось присоединеніе не единицъ, а церкви. Этимъ я хочу сказать, что, по всей вѣроятности, Россійская церковь, въ такомъ случаѣ, не требовала бы и перемѣны западнаго календаря въ церковной практикѣ старокаатоликовъ на нашъ, юліанскій...

Еще разъ ссылаюсь на примѣръ римско-каатоликовъ—не только въ сѣверной части Россіи, гдѣ ихъ мало, но и въ юго-западномъ краѣ,—какъ на аналогію тому, чего мы ищемъ. Римско-каатолики—чудовищные фанатики; нетерпимость ихъ вошла въ пословицу;—и, между тѣмъ, они, совершенно добровольно, и безъ всякаго принужденія, съ полного согласія своихъ авторитетовъ, въ интересахъ своего церковнаго дѣла и а н і я, ведутъ свой церковный кругъ Россіи по юліанскому календарю; не спорю, что, для нихъ нравственно легче условно замѣнить свое немотивированное канонически счисленіе нашимъ, чѣмъ для насъ сдѣлать противное...

Въ заключеніе, позволяю себѣ сказать, что мнѣніе проф. Глазенапа по календарному вопросу для церкви вовсе не постороннее дѣло, какъ полагаетъ о. Пр. Товтъ. Церковь и обращала и будетъ обращать вниманіе на заявленія и мірянъ, если они предлагаются не какъ субъективныя притязанія, а какъ научно обслѣдованныя положенія, и если они направлены не къ разрушенію и ущербу, а къ благостоянію церковнаго дѣла. Думаетъ ли авторъ, что Отцы собора,—если бы таковой имѣлъ мѣсто въ наши дни,—отвергли бы всякую, даже подготовительную, работу мірянъ въ

тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ ихъ содѣйствіе, какъ и въ данномъ вопросѣ, было бы и желательно и необходимо? Должно ли пройти молчаніемъ сообщеніе г. Глазенапа, который, въ своей послѣдней статьѣ по календарному вопросу явилъ примѣрное безпристрастіе, спокойно указавъ повторяющуюся изъ года въ годъ, по его убѣжденію, ошибку въ опредѣленій весенняго равноденствія, и заявивъ, что если послѣдуетъ реформа календаря, то „новый календарь долженъ быть болѣе совершеннымъ, чѣмъ грегорианскій, такъ чтобы къ русскому православному болѣе совершенному календарю примкнули всѣ цивилизованныя націи"... Но,—прибавимъ мы отъ себя, имѣя въ виду высказанныя въ прошлой статьѣ основанія,—если бы такой календарь увидѣлъ свѣтъ, но не былъ принятъ на западѣ и здѣсь, мы бы продолжали и тогда отстаивать мнѣніе о желательности приспособленія нашего церковнаго круга къ мѣстному американскому стилю.

Свящ. А. Х.

ЧТО ВСУЕ МЯТЕМСЯ?

„Приближается, душе, конецъ, приближается, и нерадимы, неготовившимся: время сокращается, возстани, близъ, при дверехъ Судія есть: яко соніе, яко, цвѣтъ время житія течетъ: что всуе мятемся?“

(Канонъ вел. св. Андрея Крит.),

Взирая на крестъ и распятые,
Такъ мысля я въ сердцѣ своемъ:
«Что всуе мятемся» мы, братья?
Куда, поспѣшая, идемъ?
Возносимся ль духомъ мы къ небу
Отъ нашей юдоли земной?
«Едино намъ есть на потребу»,—
Но—ищемъ ли части благой?!
Житейскихъ полны попеченій,
Мы гонимъ и мысль отъ себя
О нашемъ земномъ назначеніи,
О цѣли сего бытія...

Довольствуясь вѣрой «условной»,
Слывемъ христіанами мы,
Вопросы же жизни духовной
Волнуютъ ли наши умы?
Въ насъ сердце къ небесной отчизнѣ
Горитъ ли любовью святой?
Безсмертіе будущей жизни
Для многихъ—не звукъ ли пустой?..
Намъ истины вѣры извѣстны,
Но мы, въ заблужденіи своемъ,
Въ душѣ отвергая путь тѣсный,
Проходимъ широкимъ путемъ...
Путемъ наслажденій безпечныхъ
Плѣбные нашимъ врагомъ,
Безъ алчбы и жажды благъ вѣчныхъ,
Безъ всякой борьбы со грѣхомъ...
Мы знаемъ, что намъ «подобаетъ
«Скорбями лишь въ царство войти»...
Когда же насъ скорби срѣтаютъ
На жизненномъ нашемъ пути,—
Несемъ ли мы ихъ во спасенье,
Съ покорностью воли Святой?
Не ропщемъ ли мы въ нетерпѣнны
На жребій страдальческой своей?
О смерти, судѣ, воздаянн,—
Когда помышляемъ друзья?
Стремимся-ль въ слезахъ покаянья
Очистить предъ Богомъ себя?..
Имѣя мы уши,—не слышимъ,
И очи имѣя,—не зримъ...
На брата враждою мы дышемъ,
А въ сердцѣ кумиры творимъ!
Нерѣдко, въ своемъ ослѣпленнн,
Себя обольщаемъ въ словахъ:
«Успѣемъ о вѣчномъ спасеннн
Подумать въ преклонныхъ лѣтахъ!»
Отъ юности многія страсти
И борются, и мучаютъ насъ,—
Безумные! въ нашей ли власти
Продлить эту жизнь хоть на часъ?..
Уста изрекли намъ Христовы:
«Не вѣсте въ кій часъ вашъ Господь
«Придетъ... вы будьте готовы...
«Духъ бодръ,—немошна убо плоть!..
Душе, о душе, что ты спиши?
Зачѣмъ не готовишься ты?
Зачѣмъ о себѣ не радиши
Въ заботахъ земной суеты?
«Какъ цвѣтъ, наша жизнь увидаеть,
«Какъ сонъ течетъ время житія...
«Что всуе мятемся?.. Кто знаетъ,—
«Быть можетъ, при дверехъ Судья!..
О, взмолимся жъ мы Всеблагому!

И вопль нашъ пройдетъ небеса...
 Христе Исусе! Слѣпому
 Не Ты ли отверзъ очеса?
 Отверзи жъ и намъ наши очи,
 Чтобъ, средь обступившей насъ тьмы
 Грѣховной, губительной ночи,—
 Свѣтъ велій узрѣли бы мы!
 Тогда мудрованье плотское
 Исчезнетъ, какъ призракъ, какъ тѣнь!..
 Не будетъ страшна намъ съ Тобою,
 Спаситель, и смертная сѣнь!
 Тогда мы возлюбимъ путь тѣсный,
 Взявъ крестъ свой, поидемъ Тебѣ вслѣдъ...
 Стремясь ко отчизнѣ небесной,
 «Во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ!»
 Взирая на крестъ и распятыя,
 Я чувствую въ сердцѣ своемъ:

Извѣстія и замѣтки.

Въ дополненіе къ ранѣе помѣщенному отвѣту нашей редакціи по поводу невѣжливой и грубой выходки журнала «Пресвитеріанъ Баннеръ», приводимъ ниже письмо г-жи В. Макъ-Гаханъ, касающееся подобныхъ же нападокъ, сдѣланныхъ другимъ ежедневнымъ изданіемъ Нью-Йоркъ—Трибюнъ, и помѣщенное въ этой газетѣ.

Редактору газеты «Tribune».

Милостивый государь—будьте любезны, помѣстите на столбцахъ вашей газеты мой протестъ противъ крайней несправедливости, съ которою вами вчерашняя передовая статья отнеслась къ Русскому епископу Николаю, обвиняя его въ слѣпомъ-якобы и ни на чемъ неоснованномъ предразсудкѣ противъ этой протестантской страны и ея превосходныхъ школъ. Какъ русская родомъ, въ Россіи рожденная, и прожившая почти восемнадцать лѣтъ въ Америкѣ, среди многочисленныхъ друзей и родственниковъ изъ добрыхъ старо-американскихъ родовъ и стоящихъ на всевозможныхъ общественныхъ ступеняхъ, я считаю себя довольно таки компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, и должна сказать, что американцы отнюдь не имѣютъ права жаловаться на непониманіе со стороны европейцевъ, доволѣ истинно образованные, порядочные, и потому скромно держащіе себя здѣшніе люди упорно пребываютъ на заднемъ планѣ, занимаясь исключительно собственными дѣлами, въ то время какъ нахалы, изувѣры и невѣжды, личности ничтожныя, но честолюбивыя, при каждомъ случаѣ пруть впередъ и выставляютъ страну и народъ свой въ прискорбно искаженномъ видѣ предъ глазами всѣхъ постороннихъ наблюдателей.

Вѣрнину, други и братья,
 Смыслъ жизни—лишь въ Богѣ Однимъ!
 Въ исканьи Его совершенства,
 Его благодатныхъ даровъ...
 Онъ—нашего духа блаженство!
 Онъ—нашего сердца любовь!
 Все въ мірѣ, какъ тѣнь, исчезаетъ...
 Все съ жизнью минуетъ, пройдетъ...
 Христосъ же «во вѣкъ пребываетъ»,
 Онъ нашъ «и по смерти животь!»
 Томленье, борьба и тревоги—
 Удѣлъ нашей жизни земной,
 Безсмертный же духъ только въ Богѣ
 Обрящетъ свой миръ и покой!

Е. Л.

(Изъ «Душеполезнаго Чтенія», III, 99).

NEWS AND NOTES.

As a complement to our reply rude and coarse attack of the „Presbyterian Banner”, we reprint the following letter of Mrs. B. Mac Gahan, which was written in refutation of other similar attacks, and appeared in the columns of the New York Tribune.

To the Editor of „The Tribune.”

Sir: Kindly allow me to enter a protest against the great injustice you do to the Russian Bishop Nicholas in your leader of yesterday, when you accuse him of blind and unwarranted prejudice against this Protestant country and its excellent schools. As a Russian born, who has lived for wellnigh eighteen years in this country, amid a great number of friends and relations of good old American stock, of most diverse social standing, I deem myself a rather competent judge, and I must say that the Americans really have no right to complain of being misunderstood by Europeans, so long as the really enlightēned, decent and therefore reserved people of this country steadily keep themselves in the background and, minding solely their own business, while busybodies, bigots and ignorant though ambitious nobodies push themselves forward on every occasion, and sadly misrepresent this country and its people in the eyes of all outside observers.

You denounce the Russian Bishop's “prejudice” against unsectarian schools, and you profess to be shocked at his opinion that the lack of religious training in every youth is apt to be followed in later life by lax views of morality, Yet right here I have to call your attention to the fact that, all ethical teaching apart, the school of the country often fail to give their pupil information that is indispensable to any civilized being, at the same time making them boastful a supposed

Вы обличаете «предубѣжденіе» русскаго епископа противъ неконфессіональныхъ школъ, и якобы возмущаетесь его мнѣніемъ, что отсутствіе религіознаго ученія въ раннемъ возрастѣ нерѣдко влечетъ за собою въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ ослабленіе во взглядѣ на нравственные вопросы. Но тутъ же, съ первыхъ словъ, я обращаю ваше вниманіе на то, что, оставляя въ сторонѣ всякую мораль, здѣшнія школы зачастую оставляютъ учащихся безъ свѣдѣній необходимыхъ каждому цивилизованному существу, въ тоже время внушая имъ кичливость воображаемымъ знаніемъ, котораго у нихъ не имѣется вовсе; и осмѣлюсь привести вамъ слѣдующій примѣръ, въ подтвержденіе моихъ словъ:

Именно здѣсь, въ городѣ Нью-Йоркѣ, мнѣ довелось быть знакомою съ однимъ дѣльцемъ (business man)—человѣкомъ во цвѣтѣ лѣтъ, съ порядочными, хотя нѣсколько рѣзкими манерами, со вкусомъ и умѣніемъ одѣваться, обличающими въ немъ истаго нью-йорка. И вотъ однажды, въ одномъ обществѣ, этотъ господинъ, съ особеннымъ азартомъ пустившійся восхвалять всѣ совершенства американскаго бесплатнаго школьнаго воспитанія и хвастаться величіемъ американскаго народа вообще, вдругъ при мнѣ и при нѣсколькихъ болѣе его свѣдущихъ американцахъ, объявилъ что, дескать, «всѣ цивилизованный міръ обязанъ американцамъ изобрѣтеніемъ и установленіемъ республиканской формѣ правленія.»—и на отрѣзъ отказался мнѣ вѣрить, когда я рискнула затѣять ему, что республики бывала въ «старомъ свѣтѣ» много столѣтій до открытія Америки. А между тѣмъ этотъ господинъ въ адресной книгѣ значится «издателемъ»; онъ хорошаго англо-саксонскаго рода, несомнѣнно наострѣнъ въ дѣлахъ («smart»), что здѣсь называется, «свѣдущій, образованный» („well informed“), и—должна сознаться—много выше средняго уровня, какъ по природнымъ способностямъ, такъ и по бойкой красивой наружности. Какъ вы думаете, много этотъ образчикъ гражданина приносить чести здѣшнимъ школамъ, столь возмутительно, по вашему мнѣнію, осуждаемымъ?

Допустимъ, однако, ради разсужденія, что русскій епископъ, на котораго вы нападаете такъ свирѣпо за то, что онъ отстаиваетъ свою аляскинскую паству, дѣйствительно имѣетъ ошибочное понятіе объ американскихъ школахъ и морали и изъ предубѣжденія возстаетъ противъ представителей евангелическихъ сектъ, которыя пускаются въ политику и, служа мамону, въ тоже время попутно изощряются выжить православіе изъ Аляски и Алеутскихъ острововъ.

Прямымъ выводомъ будетъ то, что христіанство вполне и повсемѣстно установлено въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ что усерднымъ, самоотверженнымъ проповѣдникамъ больше нечего дѣлать, какъ прилагать свои старанія къ тому, чтобы вырвать Аляску изъ рукъ православнаго духовенства, столь ненавистнаго людямъ тако-

learning which they have not got; and I make bold to cite here the following example in support of what I advance:

Right here, in New York City. I happened to know a business man, in the prime of life, of good although somewhat loud address, with a taste and care in dress that stamped him a thoroughly acclimated New-Yorker. Now, upon the occasion when, at a social gathering, this man was boasting rather louder than usual of the completeness of American free-school education and the greatness of the American people in general, he happened, in the presence of myself and some better informed Americans to remark that “the whole civilized world is indebted to Americans for inventing and setting up a republican form of government,” and flatly refused to believe me when I ventured to observe that republics existed in the Old World many centuries before America was even discovered. Yet that man’s business was stated as “publisher” in the city directory; he came from good Anglo-Saxon stock, was indisputably “smart” and what you call “well-informed,” and, I must say, much above the average in general intelligence as well as in his “dashing” good looks. Does this sample of a citizen reflect much glory on the schools of this country that you consider outrageously misjudged?

However, let us admit, for argument’s sake, that the Russian Bishop, whom you decry so severely for standing in defence of his Alaskan flock, has really a mistaken conception of American schools and ethics, and is moved by prejudice against representatives of evangelical sects who turn politicians and, serving Mammon, apply their efforts at the same time to the task of dislodging the orthodox Greek faith from Alaska and the Aleutian Islands.

The natural inference would be that the whole of the United States is wholly Christianized, so that well-meaning, self-denying evangelists have nothing better to do now than to apply their efforts to the wrenching of Alaska out of the hands of the orthodox clergy, so obnoxious to men of the stamp of the missionary-politician of Alaska.

Yet according to the most correct statistics just published by “The Independent,” we are told that in this prosperous, go-ahead country there are but 21,714, 523 professed religious believers (Jews included). Why should not the militant Protestant missionaries turn their zeal toward their twenty-two-odd million countrymen who do not profess any religion whatever, instead of trying to undo the work of other Christians in Alaska, among Indians and half-breeds?

But, then, is not everything in this country calculated to mislead foreigners, especially ecclesiastics, as to the ethical and educational standards of the American people? Take, for instance, the frequent newspaper accounts that tell the readers how such and a clergyman had married people in a ballon, or at a show at a country fair, or else in a shop window before a street

го закала, какъ аляскинскіе миссіонеры—политиканы.

А между тѣмъ, по точвѣйшимъ статистическимъ исчисленіямъ, только что напечатаннымъ въ газетѣ «Independent», выходитъ, что въ этой благоденствующей, передовой странѣ всего только 41,714,523 человекъ исповѣдуютъ какую нибудь религію (въ это число включены и евреи). Почему же бы воинствующимъ протестантскимъ миссіямъ не обратить своего рвенія къ просвѣщенію тѣхъ двадцати двухъ слишкомъ милліоновъ своихъ соотечественниковъ, которые не исповѣдуютъ вовсе никакой религіи, вмѣсто того, что бы всѣми силами стараться разрушить то, надъ чѣмъ трудились другіе христіане въ Аляскѣ, между индійцами и креолами?

Но и то сказать, развѣ не все здѣсь какъ будто рассчитано на то, чтобы вводить въ заблужденіе иностранцевъ, особенно духовныхъ лицъ, относительно нравственныхъ и образовательныхъ идеаловъ, преслѣдуемыхъ американскимъ народомъ? Возьмите, на примѣръ, хоть часто попадающіяся газетныя извѣстія о томъ, какъ такой-то «клерджимэнъ» обвинялъ такихъ-то въ воздушномъ шарѣ или въ циркѣ, на деревенской ярмаркѣ, или въ окнѣ магазина передъ глазами уличной толпы, съ цѣлю привлечь туда покупателей; или о томъ, какъ такая-то чета, иной разъ познакомившись всего нѣскольکو часовъ, вдругъ вздумаютъ пожениться, и какъ имъ всегда удается сыскать услужливаго пастора, готоваго, хотя посреди ночи, встать съ постели по требованію лицъ, совершенно ему неизвѣстныхъ, сойти въ свою гостиницу и, за денежное вознагражденіе, наскоро обвѣнчать чету, которой не терпится даже до утра, хотя, конечно, не сталъ бы мѣшать имъ обвѣнчаться въ какое угодно иное время, да еще жену разбудить и притащить въ свидѣтельница при «бракосочетаніи!»

Если, затѣмъ, иностранное духовное лицо прочтетъ о томъ, какъ американскія замужнія женщины собираются на митинги, нарочно учиняемые для выраженія негодованія и протеста противъ допущенія членомъ въ конгрессъ нѣкоего Робертса, на томъ основаніи, что онъ—полигамистъ, то не вспомнитъ ли онъ и того, что всего лишь нѣсколько недѣль назадъ, въ какомъ то городѣ штата Коннектикутъ или Нью-Джерси былъ устроенъ блестящій банкетъ, при участіи американскихъ замужнихъ же женщинъ, по случаю свадьбы женщины, выходящей за восьмого мужа, причѣмъ описывается, какъ на свадьбѣ присутствовали и пятеро бывшихъ мужей «невѣсты», въ полномъ здравіи и благополучіи, участвовали въ увеселеніяхъ, и надѣляли богатыми подарками бывшую супругу и своего предприимчиваго преемника въ ея милостяхъ и въ супружескихъ радостяхъ.

Скажите же по совѣсти: не сильны ли такіа маленькія несообразности американской жизни, намъ всѣмъ хорошо знакомыя, ввести въ заблужденіе любое иностранное духовное лицо, да еще монаха аскетической восточ-

crowd, so as to draw customers to the said trade “emporium”; or how such and such a couple, sometimes only after a few hours’ acquaintance, suddenly bethink themselves to get married, and how they never fail in their hurried search for a clergyman to tie the knot, even in the small hours of the morning; how they always find an obliging evangelical clergyman ready to leave his bed at night at the bidding of total strangers, come down to the parlor and, for a money consideration, marry the couple, who are unwilling to restrain their ardor even until daylight, although there is no one to prevent their being united in marriage at any given time—clergymen who frequently even consent to waken up and bring down their better half, so as to serve as witness at such a “marriage.”

Again, a foreign ecclesiastic is apt to read nowadays about meetings of indignation held by American matrons in order to protest against the seating of a polygamist Roberts, in Congress; but while reading of this he is apt to remember reading but a few weeks since about a succesful social “function” in one of the towns of Connecticut or New Jersey, attended by other American matrons, and held on the occasion of the wedding of a woman to her “eighth” husband; how on that last occasion the wedding was attended by five former husbands of the bride, who were all much alive and who joined in the rejoicings and showered presents on their ci-devant spouse and their enterprising successor in her grace and in marital bliss.

Now, do tell us, candidly, are not such little inconsistencies of American life, as we all know them, a little too intricate for the understanding of any foreign ecclesiastic, and, moreover, a monk of the ascetic orthodox Greek Church, as is Bishop, Nicholas? But you will perhaps observe that even a foreign Bishop a monk, ought to know better than to make sweeping deductions on the strength of what he sees in the free press of this enlightened, Christian country.

To this I would say, that, unfortunately for self-respecting Americans, the Russian Bishop does not have to form his opinions altogether from hearsay as to what is going on beyond Alaska, of whose condition of life he has the most exhaustive knowledge. Opportunity to “misjudge” American life and manners was afforded him right here in New York, for instance, and that not longer ago than these last days, when so many of the Russians of Yew York were attending to the reception of Grand-duke Cyril of Ryssia.

Thus, in the forenoon of January 3, as the Russian and Syrian clergy were standing together with their flocks in the little Russian chapel in Second-ave., awaiting, crucifix and censer in hand, the arrival of the Grand duke—first cousin of the “chief protector of the Orthodox faith the world over”—in bursts a richly attired, elderly American woman, closely following the just arrived Russian Ambassador and his secretaries, and, amid the impressive stillness of the place of worship, she en-

ной церкви, каковъ Епископъ Николай? Но вы, можетъ быть скажете на это, что даже иностранному епископу монаху, слѣдовало бы имѣть на столько пониманія жизни, чтобы не дѣлать общихъ выводовъ изъ всего, что приведется ему прочесть въ свободной прессѣ этой просвѣщенной, христіанской страны?

На это я, въ свою очередь скажу, что, къ несчастью для уважающихъ себя американцевъ, русскій епископъ имѣетъ случай не по одной наслышкѣ составлять себѣ мнѣніе о томъ, что происходитъ за предѣлами Аляски, съ условіями жизни которой онъ разумѣется, знакомъ всего ближе. Одинъ случай составить «ложное сужденіе» объ американскихъ нравахъ и жизни былъ ему дотавленъ тутъ-же Нью-Йоркѣ не далѣе, какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда столько русскихъ проживающихъ въ Нью-Йоркѣ встрѣчали Великаго Князя Кирилла Владимировича. Случилось вотъ что:

Утромъ 3-го Января, въ то время какъ русское и еврійское духовенство со своими паствами стояли въ маленькой русской церкви на Second Avenue, ожидая, съ крестомъ и кадиломъ, прибытія Великаго Князя—двоюроднаго брата *главнаго покровителя православной вѣри во всемъ мѣрѣ*.—стремительно входитъ богато одѣтая, не молодая американка, слѣдуя по пятамъ за только что прибывшими русскимъ Посломъ съ секретарями, и, среди торжественной тишины, царствовавшей въ храмѣ, пускается въ громкій монологъ, обращаясь къ графу Кассини и его свитѣ, такъ что Епископу Николаю пришлось вступить и остановить эту представительницу американскихъ женщинъ строгимъ выговоромъ «Silence, s'il vous plait!»

Оказалось, что эта предприимчивая «великосвѣтская» барыня поджидала Посла внизу у лѣстницы и, на томъ соображеніи, что была случайно представлена ему и сопровождавшимъ его дипломатамъ въ Вашингтонѣ гдѣ то въ обществѣ, пробралась за ними въ церковь—съ плачевнымъ для себя результатомъ.

И ужъ если такія погрѣшности противъ простой благосопитанности приключаются здѣсь, въ самой цивилизованной части страны, то можно себѣ представить, какія вещи русскому епископу приходится испытывать въ далекой Аляскѣ, гдѣ хозяйничаетъ политиканъ по профессіи, самые возмутительные поступки котораго нынѣ стараются объяснять достохвальнымъ «религіознымъ рвеніемъ!» Можно ли удивляться, въ виду подобныхъ обстоятельство, какимъ либо ошибочнымъ понятіямъ, какія иностранецъ себѣ составить объ американской жизни? И на какихъ это нравахъ, спросимъ мы еще, насильно потчуютъ Аляскинцевъ пресвитеріанствомъ, когда изъ семидесяти милліоннаго американскаго населенія къ пресвитеріанской церкви принадлежатъ всего только 1,542,401 человекъ?
Нью-Йоркѣ, 5 Января 1899.

В. Макъ Гаханъ.

ters upon a loud, shrill monologue addressed to Count Cassini and his followers, until Bishop Nicholas had to interfere and rebuke this “representative of American womanhood” (?) by a stern “Silence, s'il vous plait!”

As it turned out, this enterprising “society lady” had awaited the Ambassador at the foot of the stairs of the rectory, and, on the strength of a casual introduction to them at some social gathering in Washington, followed the diplomats into the chapel—with the sad results for herself stated above.

And if such little slips in breeding occur in this, the most civilized part of the country, what is not presumably the experience of a Russian Bishop in distant Alaska, ruled by a professional politician, whose worst deeds are now sought to be explained by praiseworthy “religious zeal”? Who can wonder, under such circumstances, at the mistaken conceptions any foreigner may form of American life? And on the strength of what, may we ask, is Presbyterianism crowded down the throats of Alaskans, when there are but 1,542,401 members of the Church among the 75,000,000 Americans in this entire country?

В. МАКЪ ГАХАНЪ.

New York Jan. 5, 1899.

ОФФИЦАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Награжденія.

Согласно представленію благочиннаго Ситхинскаго округа, іеромонаха Антонія, Его Пресвященствомъ выражена Архипастырская признательность врачу Ивану Кусеру, съ выдачею ему книги „*My Life in Christ*” за его услуги миссіи по врачеванію и завѣдыванію церковной аптекой.

Присоединенія.

Въ Джуновской миссіи за январь сего года, присоединено къ православной церкви изъ пресвитеріанства 3 человекъ и просвѣщено св. Крещеніемъ изъ язычества 7 ч., обою пола, всего 10 человекъ.

Благочинный Ситхинскаго округа Іеромонахъ Антоній сообщаетъ, что церковь Ситхинская утѣшена новой милостію, которую Господь ей дарствовалъ.

«25 Февраля начальникъ Аляскинскаго гарнизона, командиръ мѣстнаго форпоста, капитанъ перваго ранга

U. S. Marine Corps Mancil Clay Goodrell, участвовавший въ послѣднюю кампанію въ блокадѣ Кубы на аскадренномъ броненосномъ кораблѣ «New York», по благому Божію изволенію, вступилъ въ нашу святую, истинно славную и державную, православную церковь чрезъ присоединеніе отъ англиканства.

П о ж е р т в о в а н і е :

Бывшимъ благочиннымъ Ситхинскаго округа Архим. Анатолиемъ пожертвованъ домъ, цѣною въ 85 долл., и лѣтъ земли подъ нимъ въ Ситхѣ на имя Ситхинской церкви съ тѣмъ, чтобы доходами отъ сего дома пользовалось Свято-Николаевское братство въ Ситхѣ.

Назначенія на службы и увольненія:

Псаломщикъ Чикагской церкви А. Протопоповъ, состоявшій послѣднее время учителемъ Миннеаполисской Миссіонерской школы, уволенъ, согласно прошенію, отъ службы въ Алеутской Епархіи, а на мѣсто учителя Миннеаполисской школы назначенъ Архимандритъ Анатолий; оба съ 16 марта по резолюціи Его Преосвященства за № 22.

Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Тихона, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, отъ 29 Декабря 1898 г., окончившій курсъ Кіевской Дух. Семинаріи Александръ Кукулевскій назначенъ псаломщикомъ въ г. Гальвестонъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

CORRESPONDENCE

- on -

INFALLIBILITY
between a F a t h e r JESUIT
and General ALEXANDER
KIREEFF - an Eastern Orthodox.
N. Y. 1896. pp. 20 c. 40 копѣекъ.
323 2-d Ave, New York.

Address: Russian Consistory of Alaska
1715 Powell Str. S. Francisco, Cal.

My life in Christ.

Extracts from the Diary of the Most Rev.

JOHN ILIYTCN SERGIEFF

(„Father John”)

Translated by E. E. GOULAEFF

St. PETERSBURG.

Price \$3.30

THE LIVES OF THE SAINTS

With Several Lectures and Sermons

BY

REV. SEBASTIAN DABOVICH

For Devotional Family Readings and School Practice

PRICE 50 CENTS

Send to

1949 Jones Street, San Francisco, California.

Ask for the same author's:

RITUAL, SERVICES and SACRAMENTS

OF THE ORTHODOX GREEK RUSSIAN CHURCH

Reduced to 50 cts. in cloth binding, and 30 cts. in paper

Special Inducements to Book Agents.

СОДЕРЖАНІЕ: № 7. Недѣля Вайи. — Изъ бесѣды въ недѣлю Православія, Преосвященнаго Тихона. (русскій и англ.). — Столѣтній Юбилей (окончаніе англ.). — Нушагская Миссія, Свящ. В. Модестова. — Индіанское племя «Тлигитъ» Арх. Анатоля. — *Audiatur et altera pars.* Прот. А. Товта. — Запросы нашей миссіи, Свящ. А. Х. — Что все мѣтется. (стихотвореніе). — Извѣстія и замѣтки: Въ редакцію «Трибюнъ». — Радостная вѣсть изъ Ситхи. — Оффиціаль- ный отдѣлъ. — Объявленія.

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

Печатать разрѣшается.

Цензоръ, Архимандритъ Рафаиль.